УДК 343.81"1905/1917":94(47).083

ЛАВИЦКАЯ М.И.

Охранительный характер пенитенциарной системы Российской Империи перед революцией 1917 года

Статья посвящена вопросу роли пенитенциарной системы в качестве инструмента репрессивного подавления революционных тенденций в обществе. За основу взят практический опыт пенитенциарной системы Российской Империи в период между революцией 1905–1907 гг. и февральской революцией 1917 года.

Ключевые слова: пенитенциарная система, Российская Империя, система наказаний, русские революции.

В современной России дискуссии о необходимости тех или иных изменений, связанных с реформированием и модернизацией пенитенциарной системы Российской Федерации, неизбежно ведут нас к необходимости изучать опыт отечественной истории, где можно найти немало актуальных примеров, достойных изучения с целью последующего применения выявленных закономерностей в современных реалиях.

Говоря об изменениях пенитенциарной системы, на наш взгляд, значительный интерес представляет собой обращение к опыту дореволюционной России, к которому апеллируют политические лидеры Российской Федерации, проводя параллели между общим состоянием Российской Империи 1905–1917 гг. и современной Россией. В условиях мировой финансово-экономической нестабильности, вызванной глобальным экономическим кризисом, и «Военной тревоги» на Ближнем Востоке в качестве модульного примера для изучения подходит период с 1914 по 1917 г. как прямой аналог переходного общества, стоящего перед структурными цивилизационными вызовами.

В этот период индукция внешнеэкономических и политических процессов на внутриполитическую и правовую ситуацию в России была особенно сильна в плане оказания диффузного воздействия на традиционно-косные структуры и нормы. Современная Российская Федерация как часть глобального мира, разумеется, еще более зависит от внешних факторов воздействия на внутренние системы, нежели Российская Империя.

Таким образом, рассматривая этот краткий с исторической точки зрения период, можно исследовать вопрос охранительной функции российской пенитенциарной системы в связи с изменениями структурных государственно-правовых систем в процессе преодоления точки бифуркации в контексте глобального внешнего воздействия.

Угроза реализации различных сценариев «цветных революций» ставит перед государством задачу реализации охранительной функции, важным структурным элементом которой всегда являлась пенитенциарная система. В этом плане опыт Российской Империи служит нам определенным уроком.

Ужесточение наказаний за подрыв основ государственного строя и борьба с революционными тенденциями в Российской Империи выразились в укреплении организационно-правовых основ функционирования пенитенциарной системы, что привело к фактическому пересмотру роли пенитенциарной системы. К началу первой мировой войны она рассматривалась и государством, и обществом как прямой элемент государственной «охранительной» политики, посредством которой осуществлялась изоляция политически неблагонадежных лиц, осуществлявших подрывную деятель-

ность против основ самодержавия или же призывавших к ней. Причем речь шла как о наказании за уже совершенные противоправные действия, так и о превентивных мерах, направленных на изоляцию лиц, чья вина по тем или иным причинам не могла быть полностью установлена, но изоляция которых признавалась желательной с точки зрения безопасности государства.

Период после окончания революции 1905–1907 гг. отмечен резким ростом числа политических заключенных, который в рамках жесткого политического курса на подавление революционных процессов серьезно изменил характер российской пенитенциарной системы. Например, для 1905–1910 гг. характерно увеличение процента политических заключенных до рекордной отметки за 100 лет в 40 тысяч человек ссыльных и посаженных в тюрьмы[1].

Из отчетов Главного тюремного управления за 1913 год видно, что на 1 января 1914 г. это ведомство располагало: 654 тюрьмами общего устройства с 95 027 местами в общих камерах и 8016 – в одиночных; в 30 исправительно-арестантских отделениях было 15 010 мест в общих камерах и 297 – в одиночных; в 22 каторжных тюрьмах было 17 086 мест в общих камерах и 1293 – в одиночных; в 8 пересыльных тюрьмах – 2901 общих мест и 67 – в одиночных. Таким образом, всего было 139 697 мест, из которых 130 024 – в общих и 9673 – в одиночных камерах. Кроме того, было 61 исправительное заведение для несовершеннолетних с вместимостью 2705 человек[2].

Надо отметить, что по сравнению с концом XIX века само количество тюрем всех типов уменьшилось, но в то же время общее количество содержащихся в них заключенных увеличилось. Это говорит о том, что происходило укрупнение отдельных тюрем, связанное с компактным содержанием заключенных, в том числе и политических. Тем не менее такая централизация сохраняла организационно-структурное многообразие. Согласно исследованию Гернета М.Н., на 1914 год четыре министерства – юстиции, военное, внутренних дел и морское – имели собственные тюрьмы, встроенные в общую пенитенциарную систему Российской Империи. В правовом отношении это разделение выражалось в социально-правовой дифференциации вменяемых деяний, согласно которым осужденный направлялся в ту или иную тюрьму. Например, осужденный за участие в бунте солдат мог быть отправлен в одну из тюрем военного министерства, но при определенных условиях, связанных, например, с разной судебной оценкой роли осужденного в инкриминируемых деяниях, он мог оказаться и в «монастырской» тюрьме, если исповедовал православие. Такое перекрывающее воздействие при одних и тех же преступлениях создавало сетевой эффект, в результате чего в историографии сложился образ российской пенитенциарной системы как разветвленной всеобъемлющей структуры, полностью укладывавшейся в идеологическое клише «Россия – тюрьма народов», хотя здесь мы имеем дело с организационно-правовым несовершенством российской пенитенциарной системы.

Необходимость бороться с революционными настроениями в обществе приводила к своеобразной трактовке роли пенитенциарной системы как «охранительного» фактора. Государство официально подтверждало это изменение. Например, в отчете Главного управления (часть I) за 1909 год увеличение численности заключенных было прямо увязано с преодолением революционной смуты.

Это особенно заметно на росте числа арестованных по распоряжению административных властей: в 1913 году их поступило в тюрьмы 9680; в 1914 году – 27 291 и в 1915 году – 35 501 человек. Такого колоссального и быстрого роста русская тюремная статистика никогда еще не знала. Необходимо иметь в виду, что приведенные цифры относятся лишь к тем следственным и подсудимым, обвиняемым в государственных преступлениях, которые содержались в тюрьмах ведомства Министерства юстиции. Но обвиняемые в политических «преступлениях» содержались в тюрьмах и других ведомств[3].

Также этот рост выражался в увеличении финансирования пенитенциарной системы. По государственной смете расходов на тюремную часть за ряд лет отпускалось средств больше, чем на все народное образование. В период с 1905 по 1907 год тюрьма поглощала в два раза больше де-

нег, чем начальное обучение. Так, например, в 1905 году расходы на тюремное дело составляли 16 127 000 руб., а на начальное обучение – 8 000 000 руб. В 1907 году на тюрьму было отпущено 20 472 000 руб., на начальное обучение – 9 681 000 руб. В 1910 году на тюрьму – 47 635 000 руб., на начальное обучение – 47 803 000 руб.[4]

Здесь мы видим, как попытка силовым путем обуздать революцию путем грубого подавления, пусть и оформленного в правовые рамки, вела к катастрофической диспропорции, когда становящийся сугубо карательным государственный институт избыточно финансировался за счет низких расходов на образование. Разумеется, такие диспропорции свидетельствовали о системных организационных пороках Российской Империи.

Численность двух категорий среди заключенных возрастала, несмотря на некоторое абсолютное уменьшение в годы войны всего количества содержавшихся в тюрьмах. Это были, во-первых, поступившие в тюрьмы по распоряжению административных властей, во-вторых, следственные и подсудимые, обвиняемые в государственных преступлениях. Представленное в официальных отчетах число следственных и подсудимых, обвиняемых в государственных «преступлениях», было в действительности более высоким, так как под видом преследования за уголовные преступления правительство часто расправлялось с революционерами.

Надо признать, что данное смешение политических и уголовных статей для реализации охранительной функции было отнюдь не уникальным для России. В период политических репрессий 30–40-х годов аналогичный подход применялся к заключенным ГУЛАГа, что также затрудняло достоверное определение числа политических заключенных.

В условиях первой мировой войны военное время давало правительству возможность осуществлять более эффективное подавление революционных процессов. К обычным для того времени обвинениям в подрыве государственных устоев начали добавляться новые, связанные со шпионажем в пользу Германии или сотрудничеством с врагом.

Использование норм законодательства военного времени и расширенные полномочия органов полиции и контрразведки открывали широкие возможности для рассмотрения роли революционеров как орудия внешних сил, что влекло за собой ужесточение наказания и нивелировало общественное воздействие на органы правопорядка, которое могло последовать, если бы дело трактовалось как исключительно политическое. Хотя в целом возможности двойной трактовки дела являлись скорее потенциальной возможностью, нежели общепринятой практикой, в отличие от практики 30-х годов XX века.

Политический характер революционной борьбы в условиях мировой войны однозначно трактовался властями как пособничество внешним врагам империи, и в этой связи длительные сроки пребывания политических заключенных в местах лишения свободы рассматривались как практический способ изоляции потенциально опасных элементов в критический для государства период.

В правовом отношении российская пенитенциарная система вступила в первую мировую войну, используя правовую базу, сформированную уже после подавления революции 1905–1907 гг.

Основы тюремного режима определялись главным образом:

- Уставом о содержащихся под стражей;
- Уставом о ссыльных;
- Общей тюремной инструкцией, официально введенной 28 декабря 1915 г., но фактически действовавшей с марта 1912 года.

В отношении тюрем военного ведомства ряд различных законодательных актов о режиме завершился Временным положением о военно-тюремных заведениях (утверждено 15 октября 1913 г.)[5].

Ужесточение борьбы с подрывными элементами в период военного времени опиралось на уже сформированную практику реализации охранительной функции, так как роль пенитенциарной системы как средства подавления революционных настроений требовала усиления этой функции как ответа на диффузную революционную агрессию, сопровождающуюся террористической практикой, с которой органы правопорядка в полной мере не справлялись.

Охранительная функция, выражавшаяся в росте цифрового значения числа политических заключенных в тюрьмах и

ссылках, при всей серьезности цифр позволяет сделать вывод о недостаточной эффективности таких подходов в обеспечении безопасности государства. При общем росте количества заключенных и ссыльных наблюдался и общий рост антигосударственных и революционных настроений, что приводило к парадоксальной ситуации: ужесточение законодательства и реальной практики реализации охранительной функции через пенитенциарную систему не останавливало негативного для государства тренда.

На наш взгляд, данную ситуацию следует расценивать как подтверждение тезиса о неэффективности борьбы с симптомами без должного подхода к устранению причин возникновения этих симптомов. Перекос в сторону карательной функции привел к тому, что вся правоохранительная система империи и пенитенциарная система как ее составная часть были переориентированы на узкий спектр задач, выражавшийся в известном политологическом трюизме «держать и не пущать». Все это вело к изоляции всей системы от общества и снижению роли других не менее важных функций – превентивной и коррекционной.

Суровые условия содержания (несмотря на привилегии отдельных категорий политических заключенных), общая структурная направленность карательного курса на беспощадное подавление явной и мнимой крамолы приводили к углублению общественного раскола, одна из линий разлома которого проходила как раз по пенитенциарной системе, становившейся по мере ослабления государственного аппарата перед революцией одним из символов реакционности (что вполне естественно в силу реактивного характера функционирования пенитенциарной системы) и недоговороспособности самодержавия.

«Законными» средствами дисциплинарного воздействия являлись разнообразнейшие лишения и того немногого, чем мог располагать заключенный (переписки, свиданий, прогулок, права пользования библиотекой и пр.), а над всеми этими мерами в каторжных тюрьмах, исправительных арестантских отделениях, а также в военных тюрьмах и дисциплинарных частях – розги. Кроме того, в каждом месте лишения свободы применялся карцер, темный, с выдачей горячей пищи лишь через три дня на четвертый.

Постфеодальный характер некоторых видов наказания и воздействия на заключенных вступал в противоречие с либерально-буржуазными воззрениями значительной части общества. Например, Главное тюремное управление сообщило в своем отчете за 1911 год, что согласно циркуляру от 8 декабря 1911 г. № 25 оно будет собирать сведения о применении карцера и розог. Но ни в одном из всех последующих отчетов этих сведений так и не опубликовало. А между тем в тюремных архивах можно найти немало донесений с цифрами порки, и, следовательно, Главное тюремное управление получало эти материалы, но не решилось их опубликовать[6].

Разумеется, такое замалчивание о рудиментах позднефеодальной практики времен развитого абсолютизма играло скорее отрицательную роль, так как правовые документы того периода недвусмысленно указывали на возможность подобных мер воздействия, которым подвергались заключенные. Генкин И.И. так описывает тобольскую каторгу: «Пороли у нас так: вечером или ночью, редко днем, вызывают арестанта и ведут куда-нибудь в пустую камеру или коридор. Предварительного медицинского осмотра никакого... Набрасываются на арестанта, валят на пол, срывают брюки, загибают рубашку на голову, привязывают руки к скамейке, накладывают на голову халат или тяжелое арестантское одеяло. После этого «неизменный ярмак», толстый надзиратель из здешних чалдонов, садится поверх арестанта и со словами: «Ложись, родной! Ох, грехи наши тяжкие!» – коленями зажимает голову наказуемого. Помощник или старший кричит «подержись»... с разбегу шага на три, на четыре наносит удар по ягодице, стараясь попадать в одно место. Четные удары один наносит с одного бока, а нечетные – другой с другого. Розги брались новые. Мундиры снимались, рукава засучивались. Обыкновенно 99 ударов... После 10–15 ударов тело посыпалось солью. Иногда в течение часа успевали выпороть 15 человек, а иногда за это же время пороли одного со смаком»[7].

Это автоматически приводило к тому, что значение коррекционной функции пенитенциарной системы непоправимо снижалось. Тюрьмы, каторги и ссылки потеряли всякое значение, связанное с исправлением политического преступника, и стали своеобразными «школами революционеров», где в условиях компактного содержания или же недостаточно строго режима формировались будущие деятели революций 1917 года. Доходило до того, что политические заключенные Шлиссельбургской тюрьмы имели возможность изучать труды Карла Маркса, который согласно действующему законодательству входил в число запрещенных авторов.

Есть еще и более красноречивый пример. Из воспоминаний политического заключенного эсера Мейлупа: «Когда мы узнали о том, что в этот день приедут из Сретенска женщины, мы решили организовать встречу. У кого-то возникла мысль, что у нас плохо декорировано, что надо бы деревья. Кто-то пошел к Яковлеву. Яковлев распорядился, чтобы мы пошли за деревьями, и без счета послал нас в лес. «Я знаю, что вы от меня никуда не убежите», – сказал он. Таким образом, мы пришли с деревьями. Красной материи у нас было в достаточном количестве». Делались «социалистические полотна с лозунгами» для декора, допустим «Да здравствует социализм!»[8]. Там же: «Яковлев взял под козырек. Никакого обыска не было. Сейчас же открылись ворота во всю ширину, поснимали с экипажа и они пошли в маленький дворик. Как только открылись ворота, сразу раздалось пение: «Отречемся от старого мира»[9].

Как нетрудно заметить, места заключения не могли в полной мере обеспечить идеологическую перековку революционеров. В этом плане примечательно мнение В.И. Ленина: «В лучшем случае, в тюрьмах не нас учили, а мы учились марксизму, истории революционного движения и пр. С этой точки зрения очень многие просидели в тюрьмах недаром»[10].

Таким образом, организационные недостатки пенитенциарной системы даже в таких мелочах подрывали единую системную работу по реализации охранительной функции, вступая в противоречие с нормативными документами, в рамках которых функционировал тот же Цензурный комитет. По сути, при всем организационно-правовом обеспечении пенитенциарной системы, она не в полной мере выполняла возложенную на нее охранительную функцию.

Побеги политических заключенных из тюрем и ссылок также серьезно подрывали общественное доверие к пенитенциарной системе. Если либерально-революционная часть общества рассматривала пенитенциарную систему как слишком жестокую проекцию законодательства на охранительную функцию, то политические классы, бывшие опорой самодержавия, наоборот, отмечали, что в рамках реализации курса «держать и не пущать» имевшая место карательно-репрессивная политика (в которой пенитенциарная система играла центральную роль) была недостаточно жесткой. Это касалось как и весьма либеральных условий содержания целого ряда категорий политических заключенных, так и недостаточного режима охраны политических ссыльных, в результате чего работа полицейских и судебных органов нивелировалась систематическими побегами явных и мнимых революционеров из мест заключения и ссылки.

Вот весьма красноречивое свидетельство оправданности такой критики: «Царизм чувствовал, что в лице Сталина он имеет дело с крупнейшим революционным деятелем, и всячески стремился лишить Сталина возможности вести революционную работу. Аресты, тюрьма и ссылка следовали друг за другом. С 1902 до 1913 года Сталин арестовывался семь раз, был в ссылке шесть раз, бежал из ссылки пять раз. Не успевали царские опричники водворить Сталина на новое место ссылки, как он вновь бежит и снова на «воле» куёт революционную энергию масс. Только из последней, туруханской, ссылки Сталина освободила февральская революция 1917 года»[11].

Как нетрудно заметить, при всей жестокости пенитенциарной системы Российской Империи, которую оправданно критиковала советская историография, ее организационно-правовой характер не давал возможности в полной мере контролировать осуществление наказания потенциально опасных политических элементов на этапе отбытия заключения, что

приводило к систематическим побегам из мест заключения, где пример Сталина (который свой личный опыт впоследствии экстраполировал на конструкцию советской пенитенциарной системы) был отнюдь не исключением, а скорее правилом.

Таким образом, к 1917 году пенитенциарная система Российской Империи, несмотря на поставленный перед ней комплекс задач охранительного характера, подошла с подорванной охранительной и коррекционной функциями, превратившись в неэффективный инструмент подавления, который способен обеспечить лишь краткосрочный эффект.

Разветвленная сеть тюрем, каторг и ссылок и активное сотрудничество с другими государственными органами, с одной стороны, указывали на развитой характер организационной структуры, который обеспечивался нормативно-правовой базой, сформированной уже после первой революции. Но, с другой стороны, общие системные пороки Российской Империи налагали неустранимую печать реакционности на пенитенциарную систему.

Можно сделать вывод, что попытки противодействовать революционным настроениям в обществе исключительно реакционными средствами карательного аппарата гарантированно обречены на неуспех даже при использовании самого современного законодательства, так как реакционная роль пенитенциарной системы неизбежно вступает в конфликт с общественными институтами, что еще сильнее подрывает доверие общества к государству. Это важный урок для современной России, где зачастую можно наблюдать призывы ужесточать систему наказаний и содержания под стражей с целью недопущения в Российской Федерации «цветных сценариев».

В современных условиях глобально-информационного общества изучение опыта развития пенитенциарной системы Российской Империи в революционный и постреволюционный периоды дает нам важное понимание того факта, что «закручивание гаек» посредством ужесточения законодательства и карательной функции не дает прямого эффекта и ведет скорее к обратному результату – подрыву доверия общества к государству и, как следствие, к нарастанию революционных настроений, когда институты, призванные оберегать общество от внешних и внутренних угроз, становятся в глазах общества прямыми или косвенными врагами прав и свобод граждан.

Задача современных исследований состоит в том, чтобы при изучении организационно-правовой основы пенитенциарной системы определить те ошибочные тенденции в ее развитии, которых следует избегать при реформировании и модернизации современной пенитенциарной системы, дабы не допустить такого же, как в начале XX века, нивелирования других ее функций, например коррекции заключенных (в том числе и политических), поскольку основным смыслом существования пенитенциарной системы было не наказание, а исправление.

В этом плане показательно, что Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, не раз ссылавшийся на опыт Российской Империи, неоднократно указывал на то, что «закручивание гаек» и ужесточение законодательства в нынешних условиях невозможно как по морально-этическим причинам, так и в силу неэффективности этих мер, что и было подтверждено трагической судьбой Российской Империи, пенитенциарная система которой, выполнявшая охранительную функцию, погибла в огне новой революции, которую должна была предотвратить.

[1] Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. М., 1915.

[2] Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1962.

[3] Детков М.Г. Наказание в царской России и система его исполнения. М., 1994.

[4] Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. 1962.

[5] Исаев М.М. Основы пенитенциарной политики. М., 1927.

[6] Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1962.

[7] Генкин И.И. Тобольский централ // «Каторга и ссылка». 1924 . № 3 (10), стр. 170–171.

[8] Хохряков Р.Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1992.

[9] Хохряков Р.Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1992.

[10] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М., 1967. С. 80.

[11] Александров Ю.А. Развитие уголовно-исполнительной системы России: мифы и реальность. М., 1996.